

18+

ПАДЕНИЕ

Эрин

ЭЛИЗАБЕТ О'РОАРК

Freedom. Запретные чувства.
Сенсационные романы Элизабет О'Роарк

Элизабет О'Роарк

Братья Лэнгстром. Падение Эрин

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

О’Роарк Э.

Братья Лэнгстром. Падение Эрин / Э. О’Роарк — «Эксмо»,
2017 — (Freedom. Запретные чувства. Сенсационные романы
Элизабет О’Роарк)

ISBN 978-5-04-220406-7

Сложно забыть человека, который впервые завладел вашим сердцем... Однако сделать это необходимо, если вы выходите замуж за его лучшего друга! Между распутным Бренданом и всегда правильной Эрин долгие годы горел огонь взаимного презрения, и оба пытались забыть, что однажды их отношение друг к другу было совершенно иным. Однако, когда свадьба Эрин и лучшего друга Брендана уже не за горами, он возвращается домой. Теперь героине предстоит разобраться в себе и понять, действительно ли ее новая жизнь так идеальна, как ей казалось, и можно ли списать ее чувства к Брендану на предсвадебное волнение или же она просто выбрала не того парня.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-220406-7

© О’Роарк Э., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Элизабет О'Роарк
Братья Лэнгстром. Падение Эрин

Copyright (c) 2017. DROWNING ERIN by Elizabeth O'Roark

© Евсюкова А., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2025

Глава 1

Эрин

Раздаются первые музыкальные аккорды, и настает мой черед идти к алтарю. Я крепко стискиваю в руках букет из пионов и белых роз и делаю глубокий вдох...

Сама невеста, Оливия, стоит где-то в тени позади меня. Моя подруга на удивление спокойна, учитывая, как долго она сопротивлялась идее замужества. А вот у меня сердце захлопывается в бешеном ритме, и вовсе не потому, что при моем появлении все гости оборачиваются.

«Не смотри на него... Не обращай внимания, забудь о нем».

Я повторяла себе это уже тысячу раз. Впрочем, сама не знаю, зачем продолжаю эти попытки: подобные увещания еще ни разу мне не помогли. Вот и теперь я не могу удержаться от соблазна, хотя мои обязанности подружки невесты должны быть превыше всего, а где-то здесь, среди гостей, сидит Роб. Тем не менее не успеваю я сделать и трех шагов к алтарю, как мой взгляд сам собой находит этот запретный плод – шафера.

Он стоит по правую руку от брата, буквально пожирая меня взглядом, что стало его привычкой в последние месяцы; словно он готов поглотить меня целиком, если только я это позволю. Его глаза, голубые, как море у него за спиной, находят мои – и сердце у меня в груди уже даже не бьется, а буквально *выпрыгивает* наружу, вместо каждых пяти-шести нормальных ударов делая один мощный толчок. Я посылаю ему мысленную мольбу: «Еще не поздно, ты еще можешь все исправить. Прошу тебя, пожалуйста, исправь это...»

* * *

Когда я распахиваю глаза, то первые мгновения продолжаю его умолять. Я бессознательно ожидаю вновь услышать виолончель и поначалу даже удивляюсь, различив лишь обычные утренние звуки: шум льющейся воды, жужжание электробритвы. Сердце попрежнему колотится в моей груди как сумасшедшее, пока я переворачиваюсь на бок и тянусь к прикроватной тумбочке, чтобы надеть помолвочное кольцо. Даже не верится, что после стольких лет мне все еще снится этот сон...

Психотерапевт уверяла, что это обычный предсвадебный мандраж и такое со всеми бывает. Как же хочется верить, что она права!

Из ванной в одном полотенце выходит Роб.

– Извини, – говорит он, нахмурившись, – я старался не шуметь. Поспи еще немного.

– Вчера я приготовила тебе ребрышки, – зевая, сообщаю я.

– Прости, милая. – Он проводит рукой по волосам. – У нас был ужин с клиентами, но я не думал, что он так затянется.

Мне сложно злиться на Роба, зная, что ему не удалось нормально поспать этой ночью, а также учитывая тот факт, что минуту назад мне снился другой мужчина, к которому я испытывала сексуальное притяжение. Я содрогаюсь при одном воспоминании о нем, мечтая уничтожить это видение, спрятать под толщей воды, чтобы оно уже никогда не всплыло на поверхность.

Роб достает боксеры и сбрасывает полотенце, открывая моему взору идеальное тело – результат долгих часов упорной работы в тренажерном зале. Несмотря на столь ранний час, наблюдать за тем, как он одевается, – одно удовольствие.

– Знаешь, раз уж мы сейчас вдвоем и оба не спим, мне на ум приходят более интересные занятия, чем сон.

Его плечи поникают, а взгляд становится извиняющимся. Я ведь знала, что он мне откажет... Не понимаю, зачем вообще это предложила.

– Милая, в Амстердаме на восемь часов больше, мне правда пора идти. Но сегодня я вернусь пораньше.

Точно, ради ужина. Того ужина, на который я решительно не хочу идти.

– Не напоминай... – со стоном отвечаю я. Роб приподнимает бровь.

– Да ладно тебе, Эрин. Брендана не было четыре года, ты сможешь пережить всего один ужин с ним. К тому же вы ведь станете крестными родителями, верно?

Мне еще не доводилось видеть ребенка прекраснее, чем Кэролайн – дочка Оливии. Ее глаза в точности как у ее дяди. Пусть он и представляет угрозу для половины населения планеты, но больше ни у кого в мире нет таких глаз: бледно-голубых и словно полупрозрачных, цвета морского стекла.

Раньше я любила морское стекло. Больше нет.

– Да, и встречи с ним на крещении будет более чем достаточно, уверяю тебя.

– Ты обещала, что будешь приветливой, – многозначительно говорит Роб.

– Я лишь обещала вести себя культурно. И от него я не дождусь даже этого, не сомневайся.

Роб вздыхает, натягивая пиджак.

– Не понимаю, почему ты так его ненавидишь.

Мне никогда не удавалось этого объяснить. Моя ненависть к Брендану похожа на подземные воды: сперва кажется, что она вся уже вышла наружу, однако та лишь продолжает прибывать...

За исключением тех моментов, когда он мне снится: как ни странно, во снах я не питаю к нему особой ненависти.

Глава 2

Эрин

Передо мной пролетает папка с документами и мягко приземляется на моем столе. Я поднимаю голову и обнаруживаю Харпер, которая выглядывает из-за перегородки, разделяющей наши рабочие места.

– Я кое-что добавила на твою доску в Pinterest, – сообщает она. – Букет из калл с оранжевой лентой, того же цвета, что и пояса на платьях подружек невесты.

Одержимость Харпер моей будущей свадьбой не перестает меня забавлять, учитывая, что сама она никогда не горела желанием оформлять свои отношения.

– Разве у нас есть какие-то платья подружек невесты? Мы с Робом еще даже не назначили дату, – напоминаю я.

Она спрыгивает со своего возвышения, обходит перегородку и устраивается у меня на столе, переместив с него несколько папок на пол.

– Потому что ты якобы «слишком занята». Причем на работе, которую ненавидишь, – со вздохом изрекает она. – Как бы то ни было... что Роб сказал про деньги?

– Про какие еще деньги? – Я выгибаю бровь.

– Про те деньги, которые ты одолжила своему брату. Вчера я слышала ваш разговор по телефону.

У меня вырываются смех и вымученный стон одновременно. Я правда люблю Харпер, однако она напрочь игнорирует чужие личные границы.

– Я понимаю, что нам обеим слышно разговоры друг друга, но мы должны хотя бы делать вид, что не прислушиваемся.

Харпер кивает, но лишь в знак того, что она меня услышала, а не признала мою правоту.

– Ты уходишь от ответа, а значит, либо ты ему не сказала, либо он был очень зол.

– Когда Роб вернулся домой, я уже спала. – Я пожимаю плечами. – И в любом случае это мои деньги, поэтому мне не нужно его разрешение, чтобы одолжить их члену семьи.

– Члену семьи с наркозависимостью, – уточняет Харпер.

– В фазе ремиссии.

Она многозначительно приподнимает бровь, и на то есть хорошая причина: за то время, что я работаю с Харпер, Шон срывался чаще, чем оставался в завязке.

Тут в коридоре раздается немелодичное насвистывание Тимоти. Я киваю подруге в сторону ее рабочего места, но она только закидывает ногу на ногу и начинает покачивать ею в беззаботной манере. В отличие от остальных моих коллег Харпер плевала на мнение Тимоти с высокой колокольни. Порой мне даже кажется, что она *хочет*, чтобы ее уволили, и я не могу ее за это винить: стараниями Тимоти Университет Восточного Колорадо, моя альма-матер, стал поистине ужасным местом работы.

Губы Тимоти сжимаются в тонкую злую линию, пока он направляется к нам.

– А что, комната отдыха у нас переехала в кубикл¹ Эрин? Харпер, тебе разве не надо работать?

Она пожимает плечами:

– Уже больше половины пятого, Тимми, мое рабочее время закончилось.

¹ Отделенное невысокими перегородками рабочее пространство для каждого из сотрудников.

– Это неважно, потому что тебе платят не за просиженные часы, а за выполненную работу, – отвечает тот. – Так что, если ты и правда все сделала – в чем я *сомневаюсь*, – не задерживайся и не мешай работать другим.

Естественно, Харпер даже не двигается с места, а просто смотрит на него, пока он не уходит.

– Знаешь, о чем я иногда мечтаю? – говорит она. – О том, чтобы работать на фабрике, на какой-нибудь должности, где ты просто нажимаешь на кнопку каждые три минуты или вроде того.

Я представляю себе это: целый день я только жму на кнопку, и рядом нет никакого Тима, который бы подсказывал, как можно жать на кнопку эффективнее, или распинался бы об *истинном значении* нажатия на кнопку...

– Звучит и впрямь неплохо.

– А еще там был бы сексуальный коллега, который бы целыми днями шептал мне на ушко всякие пошлости, – мечтательно продолжает она. – Так что я бы нажимала на кнопку и уходила строго по часам, чтобы заниматься с ним самыми неммыслимыми вещами.

Ее слова вызывают у меня смех с примесью зависти. Для Харпер секс – словно потрясающий парк развлечений, аттракцион, который с каждым разом становится все лучше и лучше.

– Если бы у меня была такая работа, наверное, половину времени я бы просто спала.

– Значит, Роб делает что-то не так, – замечает она. – Вы с ним не так уж давно вместе, поэтому время вдвоем все еще должно вас будоражить.

Я и не рассчитываю, что Харпер меня поймет, ведь ее детство не было похоже на мое. Но, в отличие от нее, я не ищу острых ощущений, а лишь хочу избежать боли. Таким образом, я имею именно то, чего желаю.

Глава 3

Эрин

Когда мы едем в ресторан на встречу с Бренданом, у меня в животе появляется то сосущее чувство, какое бывает перед всяким неприятным событием. Я почти не видела его с тех пор, как он уехал в Италию четыре года назад, и, хотя я уверена, что сегодня все пройдет хорошо, мне никак не избавиться от нервозности, страха и нетерпения.

Мне следовало бы воспользоваться этой возможностью, чтобы рассказать Робу о деньгах, которые я одолжила своему брату, но я слишком напряжена из-за предстоящего вечера и к тому же слишком возмущена самой необходимостью в нем участвовать. Теоретически у нас будет двойное свидание, хотя вряд ли слово «свидание» подходит для описания отношений Брендана с какой-либо женщиной.

– Неужели он приведет кого-то, с кем действительно знаком, или это будет какая-то девица, с которой он переспал накануне, а теперь никак не может от нее отделаться?

– Эрин, – Роб выгибает бровь, – хотя бы дай ему шанс!

Ну да, как будто Брендан мне его давал! Какой бы сильной ни была моя неприязнь к нему, Брендану я нравлюсь еще меньше: он пытался убедить Роба бросить меня бесчисленное количество раз.

Мы проходим на просторную веранду, и я тут же слышу его смех – этот звук я узнала бы где угодно. Более низкий, чем у Роба, хриплый смешок, зарождающийся глубоко в груди. Готова поспорить, одного этого смеха ему было бы достаточно, чтобы подцепить какую-нибудь девушку, даже не прибегая к помощи своей внешности.

Я поворачиваюсь в направлении этого звука, и мое сердце замирает.

Он сидит в кресле у камина, широко расставив ноги и закинув руки за голову, напоминая человека, которому скоро сделают третий минет за день. Хотя, зная Брендана, это вполне может быть недалеко от истины.

Он изменился. У него все такие же неприлично пухлые губы, но в нем больше нет прежних юношеских черт. Он стал шире в плечах, его волосы теперь коротко острижены, а в лице исчезла былая мягкость. Брендан всегда был способен одним своим видом захватывать дух, но эта его новая, более жесткая версия заставляет меня усомниться, есть ли в моих легких вообще кислород.

Брендан оборачивается, и его взгляд останавливается на мне. На секунду я замечаю проблеск какой-то эмоции в его глазах, но к тому моменту, как он встает, та уже испаряется.

Как только мы подходим ближе, он хлопает Роба по плечу, а затем поворачивается ко мне и притягивает к себе. И, хотя моего жениха едва ли назовешь миниатюрным, рядом с Бренданом я чувствую себя карликом, как будто стоит ему забыть, и он может ненароком меня раздавить. Я прижимаюсь лицом к его флисовой кофте и ощущаю легкий запах мыла и самого Брендана – до боли знакомый, как бы я ни желала, чтобы это было не так.

Отстранившись, я перевожу взгляд на очаровательную рыжеволосую девушку, стоящую подле него. Я пришла сюда, заранее зная, что возненавижу ее, но она упрощает мне задачу, улыбаясь Брендану так, словно он знаменитость, от которой она без ума и с которой она только что выиграла свидание. Спутница Брендана сообщает, что ее зовут Джои, и даже повторяет свое имя по буквам, как будто мы можем стать подружками по переписке. Нет, этого не случится, да и Брендан никогда не встречается с одной и той же девушкой дважды.

– Полагаю, вас можно поздравить, – говорит Брендан. – Когда же этот знаменательный день?

– Так далеко мы пока не продвинулись, потому что *кое-кто* никак не выберет дату, – Роб пытается произнести это шутя, но я слышу в его голосе скрытое недовольство.

Брендан расслабленно откидывается на спинку кресла.

– Между прочим, в Европе нередко люди просто обручаются, и все, – комментирует он.

– Видишь, милый? – вставляю я, поворачиваясь к Робу. – У меня на это просто европейский взгляд.

– Вот только мне не нужна европейская девушка, мне нужна моя ирландская девушка из Нью-Джерси, – отвечает Роб, с нежной улыбкой заправляя прядь моих волос за ухо. – И к тому же я *хочу* свадьбу.

Брендан смотрит на нас с таким видом, который мне сложно расшифровать. Пренебрежительно, но в то же время отстраненно, как будто мы животные в клетке, за которыми он вынужден наблюдать. Полагаю, в этом нет ничего удивительного: насколько мне известно, он состоял в отношениях всего раз, с какой-то девушкой из Италии, и это продлилось недолго.

Джои улыбается и вставляет бессмысленный комментарий о том, как это мило. Не уверена, имеет ли она в виду нашу свадьбу или просто тот факт, что Роб хочет пожениться, но я могла бы заверить ее хоть сейчас, что если она сама надеется на свадьбу, то совершенно напрасно теряет время с Бренданом.

– А что насчет тебя? – спрашивает Роб. – Ты что-то говорил о компании по организации вело-туров... Каков твой план?

– Я еще подыскиваю помещение для офиса, но надеюсь, что мы откроемся в июне.

– Ты уверен, что хочешь вложить в этот бизнес все свои сбережения? Огромная доля новых компаний закрывается в первый же год своего существования. – От слов друга улыбка Брендана тускнеет.

– Я вкладываю свои сбережения в то, что будет делать меня счастливым каждый день. Что мне еще с ними делать?

– Ты мог бы их отложить, – возражает Роб. В его тоне слышны снисходительные нотки, от которых у меня сводит зубы. Пусть я терпеть не могу Брендана, я уже устала смотреть на то, как окружающие плюют на его мечты. Вдобавок его брат внушает ему такую же чушь. – Каждый сэкономленный тобой пенни экспоненциально приумножится к твоему выходу на пенсию. Подумаешь о том, что делает тебя счастливым, уже после того, как у тебя будет все необходимое для жизни.

Взгляд Брендана мрачнеет.

– Слушай, есть люди, которые готовы каждый день приходить на работу и заниматься одной и той же унылой фигней. Это те же люди, которые боятся спуститься с горы по черной трассе или покорить на доске серьезную волну. Они включают какой-нибудь милый мотивчик по дороге домой, но никогда не нырнут в беснующуюся толпу на рок-концерте. Это не жизнь! Такие люди лишь наблюдают за жизнью со стороны, как будто это какое-то телешоу. А для меня это звучит как смертный приговор.

– Мой «смертный приговор» может показаться тебе очень привлекательным вариантом лет этак через тридцать, – невозмутимо замечает Роб.

– В таком случае, когда выйду на пенсию, я буду жить в твоём подвале.

Губы Роба растягиваются в широкой улыбке, и напряжение спадает. Они настолько разные, что трудно представить, как эти двое вообще стали друзьями, однако, похоже, их общее прошлое дает им достаточно точек для соприкосновения.

– Ты ведь остановился у своей мамы? Ездить на работу будет далековато! – замечает Роб.

– Это только на время, пока не станет ясно, где мы сделаем офис. – Брендан пожимает плечами. – Потом я подыщу местечко поближе.

– Оставайся у нас – домик у бассейна пустует, а я все равно скоро уезжаю из города.

У меня отвисает челюсть. Я меньше всего на свете хочу, чтобы Брендан жил в этом штате, не говоря уже о моем доме, и Робу об этом прекрасно известно! Он, конечно, уезжает из города, но я-то нет!

Роб будто не замечает моей реакции, однако она совершенно точно не ускользает от внимания Брендана. Его взгляд ненадолго задерживается на мне и становится угрожающим, а на его лице появляется такая ухмылка, от которой я непроизвольно стискиваю зубы.

– Ты уверен, что твоя невеста не будет против? – уточняет он, кивая на меня.

– Разумеется, она не против, – отвечает за меня Роб. – Правда, милая? Так хоть кто-то будет рядом с тобой в мое отсутствие.

Он поставил меня в неловкое положение: теперь я не могу возразить, не выставив себя полной сволочью.

– Я просто не уверена, что ему там будет удобно, – нахожусь я с ответом, – ведь этот домик такой маленький! Однако тебя не будет всего неделю, так что, надо полагать, я как-нибудь справлюсь.

– Неделю? – удивленно переспрашивает Брендан, как будто он слышал иное.

– Возможно, и дольше, – вставляет Роб.

Часть про «возможно, и дольше» я слышу впервые, но прежде, чем я успеваю задать ему вопрос, подходит официант, чтобы принять наш заказ. В этот момент в разговор вклинивается пустоголовая подружка Брендана и начинает расспрашивать официанта о составе тех или иных блюд из-за своих ограничений в еде. Он предлагает ей стейк, но Джои отказывается, поскольку «в нем слишком много глютен».

– Разве в стейке есть глютен? – я спрашиваю после его ухода.

– Ну, если коровы ели зерно, значит, мы тоже будем его есть, – поясняет она. – Это, в общем-то, как раз область моей компетенции.

Я перевожу взгляд на Брендана. «О, это будет восхитительно...»

– Да? И кем ты работаешь?

Она отпивает вина из своего бокала и отвечает, натянуто улыбнувшись:

– Я доктор.

– Доктор? – выдавливаю я, поперхнувшись своим напитком. Роб пинает мой ботинок, но я оставляю это без внимания. Дело не только в том, что она идиотка: ее расплывчатый ответ тоже вызывает подозрения... – А какой именно доктор?

– Доктор энергетической медицины. Болезнь – это результат потери частиц нашей души, а я вхожу в контакт с существами из других миров, и они приводят меня к этим утраченным частицам.

Злорадство на самодовольном лице Брендана, по которому так и хотелось врезать, немного тускнеет. Очевидно, это стало новостью и для него. Тут ботинок Роба придавливает мою ногу, но слишком поздно: я уже не способна остановиться.

– Оооу! – Я одариваю Брендана широчайшей улыбкой. – Как интересно. А я-то думала, ты имела в виду, что ты *настоящий* доктор.

Джои немного расправляет плечи:

– Я лечила такое, за что никто с медицинским образованием даже не осмелился бы взяться! Болезни сердца, терминальные стадии рака... Ты бы удивилась, если бы узнала, сколько всего до сих пор неизвестно традиционной медицине – как о людях, так и о животных.

Я с улыбкой поворачиваюсь к Брендану:

– Боже, так, выходит, твой брат, как последний болван, потратил впустую кучу времени в медицинском!

Роб снова пинает меня под столом, и я отправляюсь в уборную, на ходу набирая Оливии сообщение:

Медицинское образование Уилла было
бессмысленным: девушка Брендана
способна вылечить рак,
ОБЩАЯСЬ С СУЩЕСТВАМИ ИЗ ДРУГИХ МИРОВ.

Я подкрашиваю губы и принимаю решение вести себя приличнее по возвращении в зал. Она не виновата, что глупа, и, по правде говоря, меня раздражает не она, а Брендан, который всегда отдает предпочтение внешности, а не содержанию.

Я выхожу из уборной, но тут же останавливаюсь. В тени, под неоновым светом указателя выхода, выхватывающим из темноты отдельные черты его лица, меня поджидает Брендан. Сейчас он напоминает скульптуру с точеным профилем и выразительным подбородком, переходящим в совершенство мягких губ...

Арррр. Почему я не могу просто взглянуть на него так, чтобы мои мысли при этом не превращались в порно рассказ?

– Это было не очень-то мило с твоей стороны, Эрин.

– Я, конечно, не *доктор*, но я бы сказала, кретинизм уберег ее от этого наблюдения.

– Ты собираешься вести себя так каждый раз, когда я буду с девушкой, *соседка*?

Я прищуриваюсь. Он знает, что я против того, чтобы он жил в гостевом домике, и, возможно, это единственная причина, по которой он соглашается на предложение Роба.

– Не знаю... А они все будут «докторами», или ты планируешь немного расширить горизонты? Возможно, следующая будет астрологом? Или экстрасенсом?

Брендан выходит из тени. В его глазах появляется странный блеск, некий огонек, от которого мне становится не по себе.

– Нет, но я мог бы поискать ту, которая поможет вытащить палку из твоей задницы, чтобы ты наконец успокоилась.

Он слишком близко, и мне становится сложно сосредоточиться...

– Если это твой способ предложить секс втроем, то я пас.

Огонек разгорается ярче, и я едва успеваю заметить, как на короткое мгновение его взгляд опускается к моим губам.

Внезапно мне вспоминается другой случай, похожий на этот: вот мы только что препирались, совсем как сейчас, а в следующую секунду его губы накрыли мои, а его руки оказались у меня под футболкой...

В этот момент я понимаю, что все-таки не напугана, а *взбуждена*.

Как и всегда, меня бесит, что Брендан способен вызывать у меня какие бы то ни было чувства, а эти – особенно.

Я возвращаюсь к столу, вот только, когда приносят еду, у меня уже нет аппетита. Я чувствую на себе пристальный взгляд Брендана, но отказываюсь на него смотреть.

Зачем ему понадобилось возвращаться? Почему он просто не мог держаться от меня подальше? И насколько все это усугубится перед тем, как он уедет снова?

– Не могу поверить, что ты это сделал! – возмущаюсь я, едва мы с Робом садимся в машину.

– Да ладно тебе, дорогая, у нас ведь огромный дом, а гостевой домик стоит отдельно. Ты даже не заметишь, что он здесь живет. Вы скорее будете соседями.

– И это было бы замечательно, если бы я хотела такого соседа! Но, как ты догадываешься, *это не так*.

– Но ведь он ведет себя с тобой вполне вежливо, – со вздохом отвечает Роб. – Я просто не понимаю, почему это для тебя такая проблема.

– Проблема *в том*, что у меня есть работа на полную ставку и мне вовсе не хочется каждый вечер, возвращаясь домой, видеть, что он превратил наш дом в особняк Playboy. И, пожалуйста, доведи до его сведения, что я против тройничков в нашем джакузи и всего того, что он неизбежно устроит.

– Знаешь, – снова вздыхает Роб, – когда Харпер с кем-то устраивает тройничок или прыгает в постель к незнакомцу, тебе не терпится этим со мной поделиться. Но стоит это сделать Брендану – и ты готова вызывать экзорцистов!

Так и есть, потому что в случае с Бренданом все совсем по-другому!

– Он просто... производит дурное влияние, Роб.

– Дурное влияние на кого? Меня половину времени даже нет дома!

Должна признать, это хороший вопрос.

Несколько часов спустя мне звонит отец, еле ворочая языком, но в этом нет ничего необычного. В его голосе слышны отчаяние и растерянность, однако и в этом нет ничего нового. Слава богу, сон у Роба крепкий: похоже, эти звонки еще ни разу его не будили, и я невероятно благодарна своему везению, потому что в моей жизни немало аспектов, в которые я не готова его посвящать.

– Привет, папуль, – шепчу я, выходя из спальни и сворачиваясь калачиком на диване в гостиной. – Где ты?

Он бормочет что-то вроде Энсонстрит, и я спрашиваю, вызвал ли он такси.

– Мне не нужно такси, – невнятно отвечает он. – Я в порядке, просто не могу найти свою машину.

– Пап, пообещай, что не будешь садиться за руль, хорошо? Скажи мне название бара.

Естественно, сперва он начинает со мной спорить, но это длится недолго: сейчас он для этого чересчур вымотан и пьян. Поэтому я ставлю его на громкую связь и, пока к нему едет такси, продолжаю с ним говорить. Как обычно, его злость на судьбу сменяется слезами. Он говорит то же, что и всегда: что ему никогда не везло, что он не справился, что был плохим отцом.

Мне больно это слышать, больно осознавать, что он так многого хотел, но оказался настолько далек от претворения этого в жизнь. Мне двадцать шесть, но сейчас у меня такое ощущение, словно я опять в старших классах и, как и тогда, проявляю чудеса ловкости, чтобы удерживать нас на плаву и не дать нам утонуть в этом несчастье; совсем как в те времена, я жду, пока он благополучно доберется домой и ляжет спать, после чего позволяю себе тоже предаться слезам.

Глава 4

Брендан

Четыре года назад

Я не понимаю, зачем люди покупают чертовы хлебопечки. Знаете, сколько хорошего хлеба можно купить за сто пятьдесят долларов? Много. Много отличного хлеба, на любой вкус и цвет, причем совершенно не напрягаясь.

Хлебопечки – как отношения. Не знаю, зачем кому-то отказываться от свободы, от всего разнообразия вкусов, чтобы быть лишь с одной девушкой. Мало того, обойдется это намного дороже любой хлебопечки – помнить все важные даты, навещать ее семью, выслушивать занудные истории о том, что подружка А сказала подружке Б. И все эти усилия даже не гарантируют, что у вас будет секс. Я наблюдаю, как через это проходят мои друзья, один за другим: сначала их ждут потрясающие несколько недель, затем – месяцы унылого дерьма вроде походов на рынок или игр в «Экивоки»², а секс становится немного скучнее и все реже с каждой неделей.

Все мои приятели выказывают беспокойство, когда это случается с одним из них, как будто такой исход стал какой-то гребаной *неожиданностью*. И тогда они все хвалят меня за умение избегать обязательств, что тоже довольно глупо. Отношений необычайно легко избежать, если понимать всего пару простых вещей: не нужно приглашать на свидание девушку, которая не собирается с вами спать, и не нужно спать с теми девушками, которые будут ждать, что на следующий день вы им позвоните. Вот и все.

Все знают, что я живу по этим правилам, поэтому просьба моего брата держаться подальше от Эрин Дойл, лучшей подруги его невесты, вызывает у меня откровенный смех. На самом деле, Уилл даже озвучивает это как условие, на котором он согласится помочь мне устроиться на работу в его прежнюю туристическую компанию.

– Эрин?– усмехаюсь я.– Ты действительно думаешь, что меня нужно предупреждать, чтобы я держался подальше от *Эрин*?

Именно таких девушек, как Эрин, я избегаю – тех, которые хотят сначала шесть месяцев держаться за ручки, а после одного свидания оформляют подписку на журнал для невест. Мы с ней виделись всего пару раз, но я уже понял, что это за девушка.

– Сделай одолжение нам обоим, – говорит Уилл, – и перестань притворяться, будто она тебя не привлекает.

– Да ни за какие блага мира я бы не стал с ней встречаться! – При одной только мысли об этом у меня возникает чувство, словно мне нечем дышать. – Будь она даже единственной женщиной на планете.

Разумеется, это было до того, как я устроился в эту турфирму. Когда я захожу в офис в первый рабочий день, меня там ждет Эрин собственной персоной, и я застываю на месте. Она изменилась – Уилл мог хотя бы упомянуть, насколько привлекательной она стала! А еще, оказывается, я и забыл, какие у нее губы (сам не знаю как), но это не имеет значения. Эрин ласково

² Настольная игра, которая развивает коммуникативные навыки, умение понимать друг друга без слов и быстро принимать решения.

улыбается мне, и я сразу понимаю, что она все та же девушка, которая хочет отношений, как в пятидесятых: с браслетамибутоньерками, предложением руки и сердца и целомудрием.

Я уже скопил почти достаточно, чтобы уехать из этого места, и не позволю ни одной девушке – пусть даже с такой внешностью – помешать моим планам.

Широко улыбаясь, Эрин усаживается на стойку для регистрации и начинает болтать ногами (которые теперь выглядят намного длиннее и стройнее). Наверное, раньше мне не доводилось видеть ее в шортах.

– Привет, мой коллега на лето! Хочешь, я тебе здесь все покажу?

Я качаю головой:

– Я здесь уже бывал. Где Майк?

Ее улыбка чуть увядает. Я знаю, что веду себя грубо, но рядом с ней почему-то ничего не могу с собой поделаться.

– Он в кабинете, составляет расписание на следующую неделю. Мне кажется, он предполагал, что сегодня ты можешь просто познакомиться с тем, как тут все устроено. Хочешь, я его позову?

– Я уже большой мальчик, сам справлюсь, – бросаю я, проходя мимо нее.

Протиснувшись между рядами велосипедов, я нахожу кабинет Майка. Я с ним неплохо знаком, поскольку Уилл проработал здесь почти два года, прежде чем переехать в Сиэтл. Майк удивленно поднимает бровь.

– Не ожидал тебя здесь увидеть. Я думал, Эрин устроит тебе экскурсию.

– Она предлагала, но я здесь и так неплохо ориентируюсь. Хочешь, чтобы я начал над чем-то работать?..

– То есть я дал тебе шанс пообщаться с одной из самых симпатичных девчонок, которые когда-либо переступали порог этого офиса, а вместо этого ты хочешь поработать? Я-то думал, что помогу тебе с ней сблизиться...

– Мне не хочется проводить с ней больше времени, чем это необходимо.

– Черт, – вздыхает Майк. – Она тебя бросила или вроде того? И теперь это будет проблемой все лето?

Не могу поверить, что он сразу решил, что это *она* бросила *меня*! Очевидно, Майк недостаточно хорошо меня знает.

– Мы не встречались, она просто меня раздражает.

У него, как и у Уилла, мои слова вызывают недоумение, и от этого Эрин нравится мне еще меньше.

Глава 5

Эрин

Оливия не перестает хохотать.

– Говорят, у тебя появился новый сосед? – произносит она, а затем снова заливается смехом.

– Мне стоило догадаться, что тебя эта ситуация чрезвычайно развеселит.

– Хочешь знать, что бы сделала я, если бы Уилл пригласил кого-нибудь к нам пожить, не спросив моего мнения на этот счет?

Честно говоря, не особо. Ее подход к решению проблем, как правило, включает в себя те или иные объекты, которые мне следует засунуть в задницу своему обидчику, а всякий раз, когда Роб меня чем-то расстраивает, Оливия советует его «отпустить».

– Ты просто так говоришь, но мы обе знаем, что ты бы ему ничего не сделала, – отвечаю я. – Ты не способна злиться на Уилла дольше двух секунд.

– Ладно, может, ты и права. Но, черт побери, я бы ни за что не *смирилась*. Я думала, ты ненавидишь Брендана.

– Я его не *ненавижу*, – возражаю я. Ну хорошо, на самом деле я его и впрямь ненавижу, но я уже достаточно взрослая, чтобы в этом не сознаваться. – Просто я не хочу, чтобы он курил всякую дрянь в доме и устраивал тройнички в моем джакузи.

Ее голос становится мягче:

– Он очень изменился, Эрин. Отношения с той девушкой в Италии всерьез его потрепали. Думаю, тебе можно не беспокоиться о таких вещах.

Мою грудь пронзает острая боль при одном упоминании об этом. Я всегда испытывала необъяснимую горечь по отношению к Габи – той девушке, с которой он встречался в Италии. Хотя после стольких лет у меня уже не должно быть подобных реакций.

– Мне казалось, Брендан вообще не хотел серьезных отношений, – бормочу я.

– Похоже, она была исключением... Во всяком случае, это определенно его изменило.

Какая-то часть меня радуется, что кто-то разбил ему сердце. Он заслужил это после всего, что натворил. Но мне лишь хотелось знать, что такого было в той девушке, чего не было у меня.

* * *

Тем вечером я встречаю Роба на открытии бара, которое финансировала его инвестиционная группа. Я попрежнему злюсь, что он пригласил Брендана к нам погостить и к тому же забыл мне сказать, что его командировка в Амстердам продлится месяц вместо недели. Однако все мое раздражение улетучивается, как только я захожу в бар и его лицо светлеет при моем появлении. У моей семьи отношение ко мне колеблется где-то между возмущением и осуждением: они либо просят меня все исправить, либо огорчаются, когда я не оправдываю их надежд. Но вот Роб... он стал единственным человеком, который просто хочет, чтобы я была рядом, и, судя по всему, гордится тем, что я с ним.

– Спасибо, что пришла, – говорит он, быстро чмокнув меня в губы. – Ты знаешь, как я ненавижу эти мероприятия.

Не думаю, что он так уж сильно их ненавидит, учитывая, что присутствие на них едва ли обязательно, а Роб посещает их все. Однако я улыбаюсь и на мгновение прижимаюсь к нему. Он заказывает мне джин с тоником, а затем ведет меня через зал, обмениваясь рукопожатиями

с другими инвесторами. Они, как и всегда, спрашивают о свадьбе, а потом, как и всегда, отпускают какую-нибудь шутку о том, что Робу стоит поторопиться и поскорее меня захомутать, – за время нашей долгой помолвки эта шутка успела стать немного неловкой. Иногда они пытаются вспомнить, кем я работаю, но все их догадки далеки от истины, а когда я им напоминаю, их глаза стекленеют. Я не виню их за это, ведь мне нравится то, чем я занимаюсь, но отдел маркетинга в вузе – не самая прибыльная или интересная работа.

Когда мы завершаем этот обход и допиваем свои напитки, Роб сжимает мою ладонь.

– Ты готова? – спрашивает он, изогнув бровь.

Я киваю и следую за ним к выходу, надеясь, что его желание побыстрее уйти означает, что через пятнадцать минут мы будем срывать друг с друга одежду – хотя, если честно, у нас не такие отношения, которые подразумевают срывание одежды...

Но едва мы достигаем выхода, в бар заходит один из его коллег, и Роб замирает.

– Эрин, ты ведь помнишь Брэда? – спрашивает он. Тот обнимает меня, а затем хлопает Роба по плечу.

– Ну и сумасшедший тогда выдался вечерок, да? Сколько вы еще там пробьили?

– Недолго.

Вероятно, в любой другой ситуации я бы уже отключилась от этого разговора, вот только что-то в поведении Роба заставляет меня насторожиться. Его поза выглядит почти естественной, и голос звучит примерно так же, как и всегда, – но всетаки не совсем.

– Кристина была пьяна в стельку, – продолжает Брэд. – Кто-нибудь отвез ее домой?

Занавес.

Кристина? Та самая Кристина, которая постоянно к нему клеится? Которая на прошлогоднем корпоративе расстегнула пуговицу у себя на блузке и спросила моего парня, не хочет ли он сменить обстановку? Но меня беспокоило даже не то, что сказала она, а то, чего не сказал Роб. Он не сказал «нет» и не сказал, что помолвлен.

Он ответил: «Уверен, этот вид великолепен».

В тот вечер по дороге домой мы поссорились из-за этого эпизода, и подозреваю, сейчас нас ждет новая ссора.

Как только мы выходим наружу, я быстрым шагом направляюсь к машине, пытаюсь взять себя в руки, прежде чем начать расспросы, но мое сердце так колотится в груди, что ни на какой самоконтроль я сейчас не способна.

– Эрин, – произносит Роб у меня за спиной. Я разворачиваюсь к нему.

– *Когда?* – Мой голос звучит жестко. – Когда же состоялся этот волшебный вечер с Кристиной?

– Тот ужин с клиентами во вторник, – со стоном отвечает Роб. – Дорогая, она же директор по слияниям и поглощениям, это не было свиданием.

У меня голова идет кругом... В тот вечер он планировал уйти пораньше. Я приготовила для него тушеные ребрышки с пюре и искренне ему *сочувствовала*, когда он сообщил, что застрял с клиентами.

– Так, значит, это из-за Кристины я потратила два часа, чтобы приготовить ужин, на который ты даже не удосужился прийти, – заключаю я.

– Конечно нет! – Роб не кричит, но всетаки повышает голос, что с ним бывает нечасто. – Там было человек десять, в основном клиенты, и при всем желании я бы никак не смог улизнуть.

У меня вырывается горький смешок:

– Совсем как прошлой зимой, когда она с тобой флиртowała, но при всем желании ты не смог ей сказать, что помолвлен.

Он прикрывает глаза:

– Ей и так известно, что я помолвлен! Мы это уже обсуждали: когда она выпьет, то несет всякую чушь, которой на самом деле не думает. Ты хоть представляешь, как всем было бы неловко, если бы я делал из мухи слона всякий раз, когда она произносит что-то неуместное?

Эту же отговорку он использовал в прошлый раз, и тогда я в конце концов ответила, что все понимаю. Но на этот раз он знал о моем отношении к данному вопросу – и все-таки пошел с ней на ужин!

– Нет, зато я представляю, что ты меня продинамил и сидел в ресторане с женщиной, из-за которой у нас уже была одна серьезная ссора! А потом почему-то забыл упомянуть, что был с ней.

Он вздыхает, как будто наш разговор его утомил.

– Я не всегда могу решать, когда и с кем ужинать, – возражает Роб, – но мне очень хорошо за это платят. Так устроен бизнес: если тебе нравятся плюсы, иногда приходится мириться и с минусами.

Дорога домой проходит в молчании. Я знаю, что в его словах есть смысл, но все равно злюсь; причем я так редко бываю зла на Роба, что ни он, ни я не можем решить, как себя дальше вести. По мнению Оливии, наши редкие споры – дурной знак. Она считает это показателем того, что мы не погружаемся друг в друга, не исследуем глубину... Возможно, она права, однако же меня это устраивает: в глубине моей души таится немало темноты, гораздо больше, чем смог бы понять Роб с его сказочным детством и идеальными родителями. Мне нравится, что при взгляде на меня Роб видит девушку, которой я могла бы быть, а не ту, кем я на самом деле являюсь.

– Я не хочу с тобой ссориться, – со вздохом сообщает он, когда мы заходим в дом. – В кои-то веки у нас появилась возможность побыть наедине. Прошу, давай забудем об этом?

Он меня обнимает, и я прижимаюсь щекой к его груди, хотя в данный момент от нее пахнет лишь крахмалом рубашки. Его руки скользят от моей талии к ягодицам.

– Пойдем в спальню.

Я соглашаюсь, отчасти потому, что ненавижу быть в ссоре с ним, но главная причина заключается в том, что за последний месяц у нас был секс всего раз. Не исключено, что мое плохое настроение объясняется в том числе этим. Я прошу его подождать две минуты и принимаю самый быстрый в мире душ – к тому времени, как я заканчиваю, вода так и не успевает до конца согреться. Я не заморачиваюсь с нижним бельем – Роб все равно на такое не обращает внимания.

Однако, вернувшись в спальню, я обнаруживаю, что свет выключен, а Роб уже в постели и громко храпит. Меня охватывает разочарование, но его быстро сменяет смирение, пока я укладываюсь подле него. Это не его вина, сегодня он едва ли спал больше четырех часов, да и весь этот месяц был для него напряженным.

Засыпая, я продолжаю думать о сексе, а после он мне снится, что вполне понятно в такой ситуации.

Но вот что непонятно – так это то, что сон мой о Брендане.

Глава 6

Эрин

Среда, последний день Роба в Штатах, наступает слишком быстро. В том, что ему необходимо уехать, нет ничего особенного, и поэтому мне трудно для себя объяснить то чувство обреченности, которое у меня возникает всякий раз, когда я об этом думаю.

Он звонит после обеда. Это само по себе необычно, ведь Роб никогда не звонит, пока я на работе. Но больше всего меня настораживает его голос – безэмоциональный, без намека на извинение, – когда он сообщает, что, возможно, пробудет на работе допоздна.

– Роб... – Я вздыхаю. – Я целый месяц тебя не увижу, мне кажется, на этот раз ты мог бы сказать своему начальнику «нет».

– А я думал, что на этот раз ты могла бы сказать своему брату «нет», но, очевидно, вместо этого решила отдать ему все свои деньги, – упрекает он в ответ.

Вот черт...

– Шон тебе звонил?

– Звонил, – отвечает Роб с горьким смешком. – Хотел поблагодарить меня, что я так «круто» воспринял новость о том, что ты решила оплатить его обучение.

– Я хотела тебе рассказать, – неуверенно отвечаю я. – Просто тебя так часто не было рядом в последнее время...

– Тебе не кажется, что нужно было сначала обсудить это *со мной*? Эрин, я думал, мы команда.

Что ж, мне нечего сказать в свое оправдание. Мне *следовало* обсудить это с ним, и есть лишь одна причина, по которой я этого не сделала: просто знала, что оплатчу обучение Шона независимо от того, согласится Роб или нет.

– Шон собирался работать в баре, а ведь он только что закончил реабилитацию! Это бы ничем хорошим не кончилось.

– Дело не в этом, – резко обрывает Роб. – Мы должны обсуждать такие вещи! Мы всетаки *помолвлены*. Или ты забыла?

Мои глаза удивленно распахиваются от откровенной злобы в его голосе. Дело тут не только в деньгах...

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я хочу сказать, что мы помолвлены уже восемнадцать месяцев, а ты не продвинулась ни на шаг в выборе даты и всего остального. Ты все уверяешь, что просто слишком занята, но такие поступки заставляют меня задуматься, действительно ли дело именно в этом.

После этого он говорит, что его ждет совещание, и вешает трубку, а я так и остаюсь сидеть, спрятав лицо в ладонях. Я понятия не имела, что он так сильно расстраивался из-за моего долгого планирования свадьбы. И я даже не могу ему объяснить, почему до сих пор не осилила эту задачу... Просто я предпочла бы, чтобы Роб знал обо мне и моей семье далеко не все.

Я готовлю ужин, но к тому времени, как Роб возвращается домой, тот успеваешь остыть. Я все еще зла на него, однако мой повод для злости столь незначителен по сравнению с его, что я заталкиваю свои чувства поглубже.

– Если хочешь есть, ужин на плите, – тихо произношу я. – Его нужно только разогреть.

– Я встретился с Бренданом и перекусил в баре, – отвечает он, бросая на стул свой пиджак.

Я еле удерживаюсь от желания закатить глаза и вместо этого их прикрываю. То, что он сегодня опоздал, само по себе плохо, а опоздание из-за общения с *Бренданом* плохо вдвойне.

– Дай угадаю, он в сотый раз советовал тебе меня бросить?

– Нет, – Роб вздыхает. – Он посоветовал мне обозначить, что меня беспокоит, прежде чем мы с тобой откровенно поговорим, потому что ты человек, который готов решить любую проблему. Однако из этого ничего не выйдет, если ты не будешь знать, в чем, собственно, проблема состоит.

У меня отвисает челюсть:

– Неужто Земля остановилась? Брендан *действительно* сделал мне комплимент?

– Не совсем, – смеивается Роб. – Он добавил, что таких людей терпеть не может. Но в любом случае он сказал это с добрыми намерениями.

Я скрещиваю руки на груди:

– Будут ли еще какие-то мудрые советы от парня, у которого никогда не было отношений?

– Да. Он сказал, что мне нужно пойти домой и заняться сексом.

А вот это уже больше похоже на Брендана. Роб наклоняется вперед, упираясь локтями в колени:

– Послушай, Эрин, я не в восторге от всей этой ситуации, но сейчас я не хочу с тобой ссориться. Так что, может, отложим все это на время, чтобы я мог провести последние часы со своей прекрасной невестой?

Я соглашаюсь, чувствуя облегчение, и Роб бросает свой галстук сверху на пиджак.

– Тогда мне кажется, что на тебе слишком много одежды.

– Но на мне лишь майка и шорты...

Он ухмыляется:

– Как я и сказал: слишком много одежды.

Мы заходим в спальню. Не припомню, чтобы мы когда-нибудь занимались сексом где-то еще. Харпер называет это скучным, но есть вещи и похуже, чем немного предсказуемый парень. Роб снимает рубашку, брюки падают вслед за ней, и он залезает в постель, притягивая меня к себе.

– Не могу поверить, что мне придется обходиться без этого целый месяц, – бормочет он в мои губы.

Я согласно киваю, хотя с тех пор, как он начал работать над этим слиянием, мы спали всего несколько раз, так что не уверена, что месяц разлуки покажется таким уж непривычным.

Он переворачивает меня на спину, и я пытаюсь сосредоточиться на его лице. «Сегодня я не буду думать о Брендане! Не буду...»

– Господи, – со стоном выдыхает Роб, прижимаясь к моему животу. Он уже твердый. – У нас так долго этого не было. Все закончится, не успев начаться.

Я говорю себе, что не возражаю, но на мгновение мои мысли все же возвращаются к Брендану, а также к воображаемому сексуальному коллеге Харпер, который должен был работать с ней на фабрике. Наверняка порой у них тоже все заканчивается, так и не начавшись.

Глава 7

Брендан

Четыре года назад

На второй неделе работы в турфирме я сижу на полу и чиню порванную велосипедную цепь, когда ко мне подходит Эрин. Я прилагаю массу усилий, чтобы ее избегать, поэтому, когда она сама меня находит, это реально раздражает. Вначале я вижу только ее голые ноги, такие длинные, уже с легким загаром, хотя лето еще толком не началось. Ее волосы распущены, и она без макияжа; в этих ненакрашенных полных губах есть нечто такое, на что хочется смотреть и смотреть, и это желание меня беспокоит.

– Ну что? – недовольно спрашиваю я.

– Тебе не обязательно быть козлом. Ты даже не знаешь, что я собираюсь спросить.

– Не знаю, но уверен, что меня это выбесит.

На мгновение на ее лице читается обида, и я испытываю укол вины, но это быстро проходит. Так будет лучше – если мы сразу проясним, что я не хочу с ней общаться. Ее присутствие стабильно раздражает, как камешек в ботинке или зудящее место, до которого я не могу дотянуться.

На мгновение она прикрывает глаза, а затем продолжает прохладным тоном:

– ЭйДжей заболел. Ты можешь провести еще одну экскурсию сегодня днем?

– Конечно. – Я снова обращаю свое внимание к велику.

– Ну вот. Неужели это было так тяжело?

Да, в некотором роде было. Этого краткого обмена репликами хватило, чтобы испортить мне день.

* * *

Я звоню Уиллу, но трубку берет Оливия и спрашивает, хорошо ли я веду себя с Эрин. Я уверяю ее, что хорошо, хотя это не так, а когда трубку берет Уилл, то встречает меня совершенно другим вопросом:

– Ты ведь не лезешь к Эрин, правда?

– Не беспокойся, – я закатываю глаза, – она меня до смерти раздражает.

– *Эрин?* – переспрашивает он с удивленным смешком. – Чем же это?

Я напряженно размышляю... Не уверен, в чем именно причина. В ней раздражает абсолютно все: каждый божий день, когда я прихожу на работу и встречаю ее, моя злость растет, как столбик термометра в жаркий день.

– Просто раздражает, и все.

– Назови хоть одну вещь, которая в ней раздражает. Вперед!

– Вся эта выпечка – она каждый день приносит в офис какую-нибудь свежее испеченную фигню.

– Ого, да она просто сущий кошмар, – со смехом отвечает Уилл.

Я сжимаю пальцами переносицу. Он просто не понимает! Не представляет, каково это, когда она крутится рядом изо дня в день.

– Еще она отвратительно жизнерадостная – с утра до вечера ходит с этой чертовой широ-
ченной улыбкой.

– Просто ужас, – сухо произносит мой брат. – Даже не знаю, как ты ее выносишь.
Я и сам не уверен... Но с каждым днем она досаждаёт мне все сильнее.

Глава 8

Эрин

Под конец первой недели нашей разлуки Роб звонит, когда я еще на работе. В Амстердаме уже два часа ночи; при этом он только вернулся к себе в номер, что в этой командировке уже вошло у него в привычку. Из-за восьмичасовой разницы поддерживать связь оказывается непросто: все время кто-то из нас либо только встает, либо ложится спать, либо на работе.

К тому же мне тяжело оттого, что он, судя по всему, наслаждается своей жизнью, а вот я – нет. Причем нельзя сказать, что сейчас моя жизнь существенно поменялась – еще до его отъезда я месяцами возвращалась в пустой дом после работы... Просто, пока Роб был здесь, одиночество казалось лишь временным. Но не теперь. Все выходные мне совершенно не с кем поговорить, а все будни я провожу на работе, которая меня угнетает.

Сегодня он рассказывает мне о том, как они с коллегами ходили ужинать на бывшую пиратскую радиостанцию, а затем подробно расписывает последовавший за этим поход по барам.

Я знаю, что не должна ему завидовать, однако я проработала девять часов и мои планы на сегодня включают лишь вечер с мистером Тибблзом, потом Роба, а после, возможно, тарелку восхитительных хлопьев на ужин. Роб не виноват, что я несчастлива, но все же этого понимания недостаточно, чтобы задавить пузырек обиды в моей груди, который раздувается всякий раз, когда он рассказывает мне очередную историю о роскошных ужинах и бурном веселье, которыми он наслаждается без меня.

Я издаю подходящие случаю звуки, чтобы обозначить интерес к блюдам, которые ему подавали, к барам, которые он посетил, и к выпивке, которую он попробовал. Когда в разговоре наступает пауза, Роб спрашивает, удалось ли мне посмотреть места для бракосочетания, и я придумываю слабые отговорки, в которые не верим ни он, ни я.

– Я хотела... Просто в последние дни было столько дел...

– Ладно, – в его голосе больше нет прежней нежности. – Что ж, мне, наверное, пора спать. Люблю тебя.

Я начинаю говорить, что тоже его люблю и мне жаль, что я так мало сделала для подготовки к свадьбе, но он уже повесил трубку.

Этим вечером я отправляюсь домой, желая чего-то, но понятия не имею, чего именно. Я ложусь спать с мыслью о том, как мне ненавистна перспектива просыпаться в холодной постели без того, кто сможет меня согреть... Когда же моя жизнь стала настолько пустой, что теперь мое главное желание – просыпаться рядом с кем-то теплым?

В субботу утром, пока я пытаюсь совладать с садовым инвентарем, с которым совершенно не умею работать, на задний двор вальяжно выходит Брендан. В последние дни я замечала косвенные признаки его присутствия, но предпочла бы, чтобы он не показывался хотя бы сейчас. Еще никогда меня так не раздражала странная приверженность Роба к уходу за двором без посторонней помощи, а Брендан наверняка только усугубит мое нерадушное настроение.

Я старательно игнорирую то, как свободно держатся шорты цвета хаки на его бедрах, и изо всех сил пытаюсь не обращать внимания на слегка облегающую футболку, которая подчеркивает грудку мускулов.

– Аэрируешь газон, значит? – произносит он с неизменной ухмылкой. – Какие увлекательные выходные! Брак выглядит потрясающе.

– Мы еще не женаты, – мой голос звучит резко, напряженно, отрывисто. Я обещала Робу, что буду приветливой, однако мне с трудом удастся оставаться хотя бы вежливой. Я опускаюсь на корточки, чтобы взглянуть на двигатель, в надежде, что, когда я поднимусь, моего новооб- ретенного соседа уже не будет.

– Он не заведется от твоего пристального взгляда.

– Спасибо, агроном. – Я закатываю глаза. – Не сомневалась, что ты будешь очень полезен.

– Какого черта ты вообще решила аэрировать газон? Пусть этим займется Роб после возвращения.

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться:

– Должно быть, Роб арендовал эту штуку еще до того, как узнал даты своей поездки. Ее доставили сегодня утром, а я не могу ее вернуть, не потеряв уплаченные деньги.

Брендан отбирает у меня рукоять:

– Иди сядь в тенечке и выгляди красиво, я все сделаю сам.

Я упираюсь рукой в бок. Мне в жизни пришлось пережить слишком много дерьма, чтобы какой-то придурок, который никогда не повзрослеет, разговаривал со мной таким снисходи- тельным тоном!

– К твоему сведению, я вполне способна!.. – Он прижимает палец к моим губам.

– Шшш. Ты ведь знаешь, что я вырос на ферме, верно? А ты у нас городская девчонка из Нью-Джерси.

– Да, но...

Его палец снова касается моих губ:

– Так что присядь, дорогуша.

Отчасти я испытываю острое желание послать его к черту, однако большая часть меня не хочет аэрировать газон.

– Так и быть, умник, – бросаю я, направляясь к дому, – я пойду отдыхать, а ты покажешь мне, как это делается. А еще в доме куча белья лежит и ждет стирки – возможно, позже ты научишь меня, как правильно загружать стиральную машину.

Я подхожу к входной двери, но оглядываюсь как раз в тот момент, когда он снимает футболку, и моя ладонь крепче сжимает дверную ручку. Как же раздражает, что он настолько привлекателен! Как же раздражает, что он все делает с невероятной уверенностью, за что бы ни взялся! Даже аэрация газона в его исполнении выглядит сексуально. Это просто нелепо... Харпер бы заплатила за такие кадры.

Я отворачиваюсь и захожу в дом с твердым намерением оставаться внутри, пока он не закончит. Когда за последний месяц у вас был секс всего раз и длился он тридцать секунд, находиться рядом с идеальным рельефным прессом Брендана Лэнгстрома – значит просто напра- шиваться на неприятности.

Глава 9

Брендан

Четыре года назад

Необходимость торчать в одной конторе с Эрин меня не просто раздражает – это мой личный экзистенциальный ад.

Взять хотя бы ее манеру напевать что-нибудь себе под нос. Когда она в подсобке сортирует шлемы или считает весла, то постоянно мурлычет какой-то гребаный мотив, а иногда вообще напевает в голос ту или иную фигну, которая взбредет ей в голову.

Но это мурлыканье – лишь одна из тысячи ее раздражающих привычек. К примеру, когда она сидит, то переплетает ноги так, словно они сделаны из умного пластилина; словно они чересчур длинные и их не расположить прямо, как ни старайся. Или ее манера прикусывать нижнюю губу, когда она в чем-то сомневается... Или ее непонимание, что ей уже слишком мала в груди ее старая футболка, в которой она занималась легкой атлетикой в старших классах. А еще тот тихий стон, который она издает, когда чувствует запах тайской еды, или как она вскакивает со стула, услышав свою любимую песню... Как покачиваются ее бедра, когда она ходит на каблуках, и как это приковывает внимание всех парней на работе.

Этим вечером мы выпиваем в баре с ребятами из конторы. Слава богу, в этот раз без нее! А значит, я в кои-то веки смогу отдохнуть от осуждающей ухмылки, которая появляется на ее лице всякий раз, когда моя очередная спутница произносит какую-нибудь глупость. Признаюсь, последнее случается чаще, чем мне бы хотелось.

Ребята рассказывают о грандиозном сплаве, который мы совершили во время грозы на выходных. Кто-то упоминает мое имя, но я не вслушиваюсь в разговор. Хотя я и рад, что Эрин отсутствует, всетаки меня не перестает мучить вопрос – почему. Да, я изо всех сил старался быть козлом, чтобы у нее не возникло желания идти с нами, но до сих пор это не давало никаких результатов. Так где же она, черт возьми?.. Я допиваю первую порцию пива и принимаюсь за вторую, а тем временем внутри меня нарастает напряжение.

– В чем дело, зай? – спрашивает девушка, которую я привел.

Вроде бы ее зовут Аня, но я не уверен. Все, что я знаю, – на ней самые короткие шорты, которые я когда-либо видел, и примерно через час я планирую их снять.

Я раскрываю рот, чтобы предложить ей уйти со мной, но вместо этого с моих губ срывается совершенно иной вопрос:

– Где Эрин? – я интересуюсь у помощника менеджера, Пирса, в то время как Аня недовольно ерзает рядом со мной.

– А тебе-то какое дело? – спрашивает он. – Большую часть времени ты ведешь себя так, будто ее ненавидишь.

Я пожимаю плечами. Я бы не назвал свое отношение к ней ненавистью. На мой взгляд, ненависть должно вызывать лишь что-то поистине ужасное, например, Гитлер или легкий джаз. Но мне действует на нервы, что все, кроме меня, ее обожают! Так утомительно наблюдать за тем, как старательно она очаровывает окружающих этой своей широкой улыбкой и извечной готовностью помочь. Как будто ей никогда не говорили, что она умная и привлекательная и ей не нужно столько стараться, чтобы заслужить всеобщее одобрение. Причем я заметил, что

в особенности ее обожают Пирс, и если я еще раз увижу, как он заглядывает ей за вырез футболки, то у него будут проблемы.

Он кивает в сторону двери:

– Вот она и пришла, так что можешь снова делать вид, будто она тебя раздражает.

Обернувшись, я замечаю, как она направляется к нам на высоченных каблуках и в короткой юбке с белоснежной рубашкой. Так она одевается по понедельникам и четвергам, когда ходит на стажировку. Выглядит это чертовски сексуально, и меня бесит, что она не переоделась перед тем, как прийти сюда.

– Наряд дерзкой библиотекарши, – бормочет Пирс себе под нос, ухмыляясь мне. Я не улыбаюсь ему в ответ.

Когда она подходит к нашему столику, Пирс встает и отодвигает для нее соседний стул, а я делаю вид, что вообще не заметил ее появления. К моей досаде, теперь она сидит между ним и моей девушкой, которая еще минуту назад выглядела просто отлично, но из-за соседства с Эрин сразу бросается в глаза, что с внешним видом она перестаралась.

– Так так так, наша мисс деловая Америка³, – произношу я, обращаясь к Эрин. – Как прошел день? Понравилось пахать на дядю?

Я замечаю вспышку гнева в ее глазах. В последнее время она преимущественно оставляет мои реплики без внимания, и порой такая вспышка гнева – единственная реакция, которой мне удается добиться.

– Смейся сколько угодно, – отвечает она. – Когда в пятьдесят лет ты будешь жить в подвале у Уилла, я тоже с удовольствием посмеюсь.

– Может, там ты и наведишь меня, когда наконец решишься потерять девственность, – парирую я.

³ «Мисс деловая Америка» – американский конкурс, в котором чествуют достижения женщин в бизнесе, общественной и политической деятельности (*прим. пер.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.